

Ария чиновника и па-де-де начальника

Судьба реконструкции Большого театра все-таки должна решаться в творческом споре специалистов

Произошло то, о чем давно говорили: указом Президента Большой театр передан в ведение Министерства культуры. Обсуждается отставка Владимира Васильева и Владимира Кокочина и назначение нового руководства: директора Анатолия Иксанова и художественно-го руководителя Геннадия Рождественского. По версиям ряда наблюдателей, причины отставок и назначений, смена команды во многом продиктованы реконструкцией театра. Сергей БАРХИН последние годы был главным художником Большого театра и покинул его вместе с Васильевым. По образованию он — архитектор, и его взгляд на проблему касается прежде всего содержания реконструкции, а не внешней стороны борьбы вокруг нее. В течение ближайших трех месяцев Правительство РФ должно определить заказчика, сроки проведения работ и источники финансирования.

— Чтобы приступить к реконструкции, нужно прежде всего достроить филлиал. Каково положение дел сейчас?

— Стены филлиала построены. Деньги иссякли. Нужно 50–70 миллионов долларов на оборудование, но ведь до сих пор даже не существует технологического проекта. Это противоречит любому разумному подходу: прежде всего нужно решить, что необходимо технологически изменить. Театр, даже большой, — очень гибкий механизм, он приспособляется, как животное. Может жить в такой клетке, в задаке. Как говорила моя бабушка про нашу собаку с облупленным носом: и с таким носом можно жить. Можно жить и с таким филлиалом. Но уже очевидно, что его строительство шло с недостатками. Забыли про метро, и уже в середине строительства пришлось разрезать все колонны и вставлять в них полуколонны, потому что в зале был слышен грохот.

Когда планировался филлиал, тогдашний главный архитектор города Вавакин не сообразил, что местнее было бы разрешить изме-

нить сложившиеся красивые линии. В Копьевском переулке стоял банк, жилой дом. Их снесли, и можно было выдвинуть фасад филлиала вперед. Тогда бы от Театральной площади симметрично уходили две улицы, как Петровка уходит между Большим театром и ЦУМом. А такой проект существовал. Если бы об этом вовремя вспомнили — филлиал бы стал полноценным и его не пришлось бы втискивать на недостаточную площадь. Стена-то у него должна быть того же размера, что и в основном здании, — задумка была именно в этом.

Важно не повторять всех этих ошибок при реконструкции Большого. Боюсь, что в стране сегодня нет ни одного человека, который бы точно понимал, что необходимо оптимально по части технического оснащения. И в то же время все боятся консультантов, опасаются, что кто-то за вилочку посоветует не то, что нужно. А консультант обязательно нужен. Это должен быть человек, знакомый с опытом реконструкции западноевропейских театров.

Это будет стоить денег, но несоизмеримых по сравнению с общей суммой. Если ничего не понимающая женщина покупает автомобиль, то по крайней мере одного мужичку она спросит: слушай, какую взять? Большую, маленькую, американскую, японскую? Новую модель или старую? Совет не понадобится, если ты хочешь быть чуть-чуть в курсе дела, покупки.

У нас был Гипротест, есть НИЭП зрелищных зданий. Но сегодня наш опыт — либо старый, советский, с советским светом, советской механикой, либо мизерный сегодняшней: строительство «Новой оперы», филлиала Малого театра. В сравнении с нормальным европейским или американским опытом это очень мало. Мы строили, но в основном строили здания. Поэтому наши театры по технической оснащенности отличаются от любого западного.

— Может, и не нужно ничего менять? Директор Центральных научно-реставрационных мастерских Татьяна Камнева предлагает вообще вернуться к первоначальному

проекту Кавоса и свести все пристройки советского времени. «В конце концов, что плохого в том, что в Большом театре и дальше будут де-монстрироваться спектакли XIX века? Рок-оперы на его сцене все равно неуместны», — может, в этих словах действительно что-то есть? Нужна ли художнику в театре современная техника?

— Оставить все как было при Кавосе или при Бове просто невозможно. Никакой реставратор не сможет ходить в своей детской шапочке или курточке. В своем благородном рвении реставраторы не правы, хотя борются за сохранение памятников, конечно, необходимо.

Почему нужна механизация? Это связано с гастролями, ведь театр не может жить в изоляции. Это связано с изменением характера зрителей. Они требуют более коротких спектаклей и, главное, более коротких перерывов, особенно внутри акта. В старое время можно было сделать какую-то интермедью, балет на авансцене. Но этот стук молотков, мат... Если техники нет, то делается одна монументальная декорация, которая не меняется. Или делаются мягкие декорации, которые меняются по старинке.

Техника нужна не художнику, а монтажникам. В Большом театре сейчас крутосустучная работа, без выходов, с ночными сменами. А в хорошо оснащенной «Опера Бастия» такую же работу выполнят за час. И за 40 секунд поладят на сцену уже готовую декорацию. Она собрана позавчера днем.

Что изменилось в оперном театре за последние сто лет? Что, композиторы за XX век улучшились? Певцы были и более великие, чем сейчас. Оркестры играли хорошо — сейчас тоже играют хорошо. Изменился только свет, но зато он диктует очень много. Свет стал очень модным и не очень-то позволяет делать старинные трипачные мутные декорации.

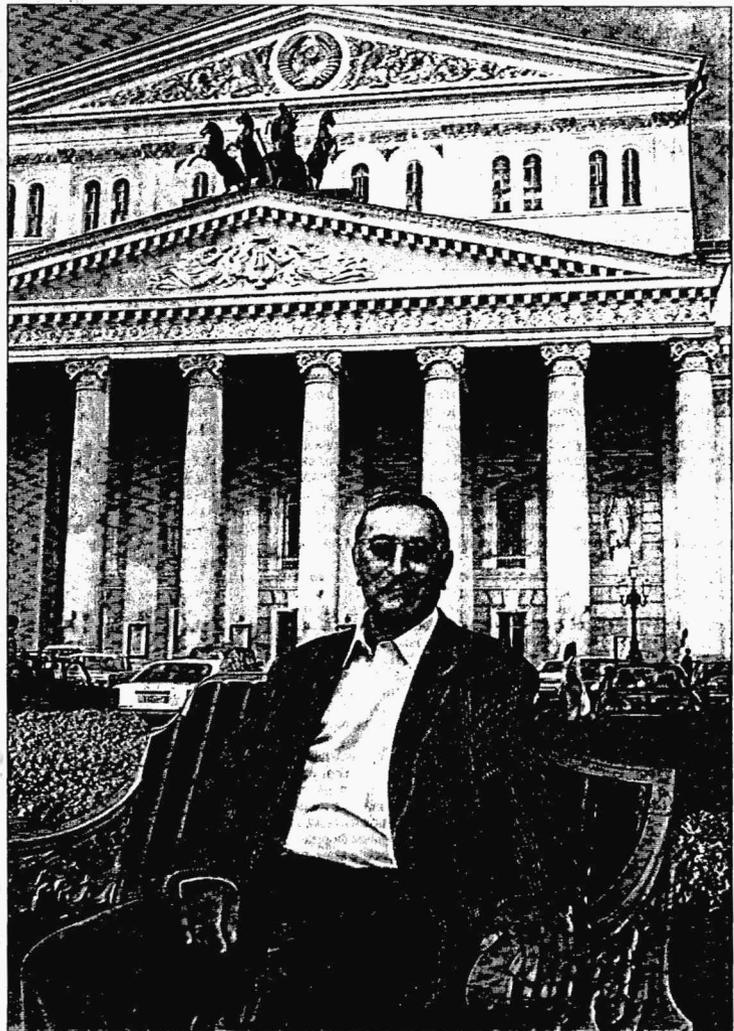
— Но чрезмерное участие техники тоже грозит худшими. Современный «Ковент-гарден» вынужден отменять премьеры и спектакли из-за того, что рабочие не справляются с чрезмерным количеством аппаратуры.

— Да, это серьезная проблема. Когда проводили реконструкцию МХАТа, технику там делали немцы. И оказалось, что требуется огромная масса обслуживающего персонала. Денег они получают больше, чем актеры, это квалифицированные специалисты, обученные на Западе. Но как только что-то ломается, они ничего не могут сделать, нужно обращаться к производителю. В театре появляется балласт. Техника — вещь опасная. Но это не значит, что ее не должно быть вовсе. Нужно просто учиться на чужих ошибках.

— Но, похоже, в вопросах оснащения театра думают в последнюю очередь. Самое главное, что всех волнует, — кому достанутся деньги, выделенные на реконструкцию.

— За всей этой борьбой стоит строительные фирмы, западные и русские. Ведь это огромные деньги, огромные заказы. Был тендер, на котором решалось, кто будет проектировать реконструкцию. На выбор в большой степени влияла стоимость проекта, не строительная даже, а проекта. Возможно, «Курортпроект» победил потому, что назначил невысокую цену.

По счастью, проект реконструкции делал известный архитектор Михаил Белов. Незадолго до того он участвовал в конкурсе на проект строительства оперного театра в Токио, и это проект был замечен. Белов был многократным лауреатом бумажных конкурсов, и японцы прислали ему заказ, как и многим другим европейским и американским архитекторам. Так вот, они сначала продумали технологическое решение, а уже потом объявили кон-

Сергей Бархин: позади Большой театр

курс, разослали заказы: у нас будет такая техника, а японцы для нее сделайте, какой хотите.

Помимо архитектурных задач есть еще немало трудностей. Большой театр стоит на Неглинке. Из-за этой спрятанной под землю реки уже были трудности со строительством комплекса на Манежной площади. Главным инженером «Курортпроекта» является выдающийся конструктор Нодар

Качели. Он стал знаменит уже лет двадцать назад. Не будь его, я бы тоже засомневался, реально ли сделать все, как надо. Залезая вглубь, нужно перекрывать подземные потоки, нужно учитывать и близость метро.

Метро и вода Неглинки — это серьезные проблемы, но они по силам конструкторам. Надеюсь, что у государства хватит ума, чтобы понять: при помощи серьезно-

го жюри на тендере решили, что реконструкцию делает «Курортпроект». Архитектор там очень хороший, конструктор блестящий. Остается выбрать правильную театральную технологию. Это вопрос сложный, и он должен решаться в творческом споре крупных специалистов, а не чиновников.

Беседовал
Дмитрий АБАУЛИН